e-СМЫСЛ И ОБРАЗОВАНИЕ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ»: ИСТИННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

УДК 165

О.Э. ИВАНОВА

В настоящее время рост объема создаваемой информации (прежде всего, цифровых ресурсов) и медиапространство претерпевают колоссальные изменения. Согласно результатам исследования компании IDC (International Data Corporation), каждые два года информация в мире удваивается, составив в 2011 году 1,8 зеттабайт, и к 2020 году объем производимой информации увеличится в 50 раз [7]. При этом возрастает количество информации, представленной в цифровом виде. В частности, по данным R.R. Bowker, из 1,3 млн книг, вышедших в США в 2009 г., 77% не были стандартными публикациями, а включали, в основном, электронные книги и книги, выпущенные по требованию (on-demand) [4, с. 21]. Так, рост объемов использования мобильных устройств привел к увеличению числа интернет-пользователей, выходящих в Интернет с мобильных устройств. По состоянию на март 2011 г., число пользователей Интернета превысило 2 млрд человек, что составляет практически 30% населения земного шара. Ежедневно на Twitter отправляется в среднем 140 млн твитов. В рамках своей программы сохранения цифровых материалов Библиотека Конгресса приступила к сохранению твитов, которые обладают «колоссальным потенциалом для изучения современного образа жизни» [4, с. 22]. Рассуждение в картезианском духе позволяет задать вопрос: коль скоро велик объем получаемой информации (прежде всего цифровой), то не велика ли и вероятность ошибки в ее интерпретации, в трансформации смысла как онтологического «дна» коммуникации в увеличивающемся информационном потоке?

Ответ на вопрос предполагает обращение к понятию «трансформация смысла». Феноменология этого вопроса позволяет выделить взаимосвязанные, но не заменяющие друг друга линии. Во-первых, линию оформления смысла в «между» – «транскоммуникации», подводящую к вопросу начала смысла как трансформируемого смысла, возникающего ситуативно и не раз и навсегда в результате интерактивного взаимодействия. Во-вторых, линию проблемы изменений, претерпеваемых смыслом в условиях измененного процесса коммуникации.

При этом мы учитываем позднелатинское «transformatio» – «превращение», латинское «transcendens» – переступающий, превосходящий, выходящий за пределы. Трансформация смысла – процесс развития смысла, выходящий за пределы его формирования (образования), в ходе которого смысл присваивает признаки, производные от коммуникационного континуума, в котором он разворачивается. Следует уточнить, что данное представление фундируется идеей отсутствия изначальной заданности смысла. В трансформации смысла реализуется определенная ступень (стадия) в развитии смысла, определенный способ его развития, соответствующий, преимущественно, определенной ступени развития общества. В первую очередь, речь идет о постнеклассическом развитии общества, точнее, сетевом обществе как некоей его квинтэссенции, хотя и не исключаются иные варианты. Предварительно заметим, что основанием этому служит сущностная особенность сети, позволяющая преодолеть замкнутость пространства, реализующаяся в попытке преодоления (снятия) системных ограничений. Разомкнутость сети позволяет выйти на иной уровень в развитии смысла, учитывая различные факторы, влияющие на изменения, которые претерпевает смысл.

Условия трансформации смысла в коммуникации определяют особенности организации коммуникационного континуума. Идея «коммуникационного континуума» находит подтверждение в диалогической философии (в связи с разработкой бытия «Между Я и Ты» как непрерывного идеально-телесного сосуществования Я и Другого, не исключающее его материальную тождественность Я), в особом пространстве коммуникации, где рождается (производится) смысл (идея, концепт), в экзистенциальной мысли (в связи с разработкой понятия «экзистенциальная коммуникация»), в герменевтико-феноменологической и аналитической философии (относительно особенностей проявления смысла в коммуникации, настраивающей, прежде всего, на его понимание).

Предпосылки трансформации смысла в коммуникационном континууме закладыва-

ются в связи как с непониманием смысла, так и с его интерпретацией. Данные процессы онтологизируются современным информационным обществом, в пространстве и времени которого «обитает» «человек коммуницирующий» (осуществляющий не только социальное взаимодействие, но и взаимодействие с техническими устройствами как с «Ты», преодолевая ограниченность шенноновской теории информации, не предполагающей «обратной связи» и движения смысла в коммуникации). Медиа представляют внешнее расширение человека: «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением или новой технологией в наши дела» [3, с. 10]. Указанное представление о средстве коммуникации как сообщении рассматривается независимо от содержания сообщения.

Оценка результатов анализа репрезентативности цифровой информации, проведенного Е.Ю. Журавлевой, позволила прийти к выводу о неравнозначной сосредоточенности и распределении смысла. Более того, подтверждение данной мысли мы находим и в исследованиях неоднородности структуры сетевого пространства, при выявлении небольших участков пространства, «центров гравитации» (center-of-gravity), с достаточно легким доступом и к средствам коммуникации, и к информации, где «оказывается наибольшее количество образованного населения, именно здесь протекает основная экономическая жизнь. По экспертным оценкам, глобальный мир сегодня – это совокупность таких универсальных центров» [1, с. 11].

При определении эпистемического статуса цифровых данных в соответствии со степенью форматирования информация классифицируется на три группы. Наиболее ценными с точки зрения количества имеющейся информации являются структурированные данные – это крупномасштабное средство коммуникации исследователей, в них «отражаются отдельные факты предметной области», «основная форма представления данных в системах управления базами данных» [2, с. 115]. Второй вид цифровых данных – полуструктурированные – обладают характеристиками схем и метаданных: это «характеристики описываемых сущностей для целей их идентификации, поиска, оценки, управления ими, а также данные из более общей формальной системы, описывающей заданную систему данных». Значимость метаданных весьма прагматична и определяется необходимостью поиска полезной информации среди огромного количества доступной. По оценке Е.Ю. Журавлевой, созданные вручную метаданные «имеют большую ценность, поскольку это гарантирует их осмысленность». Неструктурированные данные (третий вид) содержатся в текстовых документах, электронных таблицах, сообщениях электронной почты, в графике, музыке, видео и т.д. и широко используются «в виде отклика предоставляемому пользователю поисковыми системами». Особое внимание стоит обратить на масштабность неструктурированных данных, из которых, по современным оценкам, состоит «более 95 % цифровой среды» [2, с. 115].

Следовательно, развитие (объем) неструктурированных данных может привести к увеличению вероятности потери смысла. Сохранение же смысла (передача адекватного смысла) приходится на долю в 5% структурированных и полуструктурированных данных. Исходя из онтологических особенностей (структуры существования) интернет-данных и возникает вопрос о возможной потере смысла.

Кроме того, трансформируются и свойства коммуникационного континуума средствами mass-media: «время» прекратилось, «пространство» исчезло (М. Маклюэн) в силу технических возможностей. Такой коммуникационный континуум – особая среда коммуникации, реализующая принцип непрерывности и представляющая открытую нелинейную систему обмена смыслами в ходе on-line («здесь и сейчас») диалога между пользователями, отвечающими минимальным техническим (материальным, в виде наличия выхода в Интернет) и интеллектуальным (знаниевым) требованиям – реализует непрерывное бытие смысла в коммуникации. По сути, в Интернет эксплицируется принцип гносеологического анархизма – «anything goes» П. Фейерабенда – при открытости смысла в условиях открытой коммуникации. Нет оснований сомневаться в том, что Интернет обеспечивает смыслу открытость, расширяя возможности коммуникации. Однако сущностная «настроенность» (М. Хайдеггер) на обратную связь может как поддерживать коммуникацию, так и влиять на ее обрыв, когда вступает в силу т.н. «коммуникационный переизбыток» [5, с. 100–101] как состояние активного бытия, возникающее в результате противоречия между увеличением объема информации и несоизмеримостью возможностей ее восприятия и обработки человеком в связи с определенными психологическими (внимание, память) и временными ресурсами. Другими словами, открытость коммуникационного континуума в свете принципа «anything goes» позволяет

рассматривать Интернет (учитывая структуру коммуникации как процесса) пространством шума, где детерминирующим фактором помех (коммуникационных препятствий) выступает непрерывно увеличивающийся информационный поток, затрудняющий распознавание истинного смысла. Информационное «anything goes» «размывает» смысл.

Все большее значение в трансформации коммуникационного континуума приобретает особая форма пространства – киберпространство. Это воображаемая реальность, характеризующаяся разомкнутостью бытия, самоорганизующаяся, состоящая из взаимодействий и непрерывно развивающаяся, с нивелированием темпоральных характеристик (снимаются физические ограничения, «размываются» границы между реальным и воображаемым), структуру которого определяет сеть. Сеть представляет определенный способ бытия смысла (его порождения и движения).

Основанием для неравнозначности производства (формирования) и распределения смысла в сетевом коммуникационном континууме является и выделение в его структуре нетократов – субъектов-коммуникантов, обладающих сознанием, владеющих нормами языка пользователей сети, ее создателей, и консьюмтариата (от англ. – consumer proletariat – пролетариат потребителей), каковым является большинство пользователей сети, не владеющих специфическим языком нетократов. Это порождает возникновение препятствий на пути передачи смысла, обнаруживающего свою неустойчивость в связи с непониманием значения слов, поскольку у нетократов и консьюмтариата отсутствует «смысловая общность», что определяет возможность несоответствия смысла его первоначалу.

Особое место в киберпространстве занимают социальные сети, в определенной степени «размывая» противоречие в смысловой общности в указанном контексте. Это мощный канал коммуникации: средний ежедневный показатель пребывания в социальных сетях – 2 раза, тогда как сайты профессионального общения пользователи посещают 9 раз в месяц. По времени провождения в Интернете социальные медиа обогнали лидирующую до этого порнографию. Наиболее частыми видами деятельности в социальных сетях являются обмен личными сообщениями, просмотр и загрузка фото, просмотр статусов друзей и их комментирование. В этом просматривается герменевтический аспект коммуникации, особенно, учитывая, что «текстовость» преобладает над визуальной и аудиальной коммуникацией: даже мультимедийная среда не позволяет отказаться от попытки толкования, интерпретации, понимания текста как части духовной жизни его субъекта, «вписывающегося» в он-лайновую реальность.

Социальные сети представляют дополнительный инструмент коммуникации, составляющий серьезную конкуренцию традиционным масс-медиа: новости находят человека в социальных сетях, поэтому вполне закономерным следствием является падение тиражей мировых газет. По данным Ассоциации американской прессы, к третьему кварталу 2008 года доход газет от рекламы снизился на 18,1 %, национальный доход падения продаж составил 18,4%, доход от объявлений упал на 30,9%, и от интернет-рекламы снизился на 3% [8, с. 13]. Кроме того, социальные сети являются и эффективным маркетинговым каналом, которому доверяют 90% пользователей благодаря размещению т.н. «френдовой» информации, тогда как степень доверия контекстной и банерной рекламе на тех же страницах составляет 14%. По данным Куалмана, 25% от всех выводимых в поиске результатов о 20 наиболее популярных мировых брендах принадлежат контенту, формируемому пользователями социальных сетей.

Социальные медиа выходят за пределы исключительно технического средства коммуникации, их воздействие не ограничивается пределами Интернета (пространства), они также могут управлять активностью и в противоположном направлении – реальном мире. Это обусловлено тем, что корни социальных сетей уходят в офф-лайновый мир (книжные, мужские, садоводческие и атлетические клубы). Технологии лишь позволили, в целом, выйти на новый уровень сетей или клубов, сделав их цифровыми [8, с. 13].

В результате коммуникации в указанных условиях создается виртуальный образ смысла (***e***-смысл), отличительными признаками которого выступают открытость, диалогичность, флуктуационность, высокая степень субъективности, реляционность, существование вне пространственно-временных пределов *(Таблица 1)*.

Таким образом, современный коммуникационный континуум создает предпосылки для трансформации смысла в коммуникации, прежде всего, в силу его неустойчивости, отсутствии его изначальной заданности и константной изменчивости. Однако следует уточнить, относительно какого смысла корректно применение понятия «трансформированный смысл»: ***e***-смысл, обладающий указанными сущностными характеристиками, иной, нежели смысл реальности

Таблица 1

Влияние сетевого коммуникационного континуума на смысл

№	*Особенности сетевого коммуникационного континуума*	*Характерные черты смысла*
1.	Коммуникация как диссипативная структура в условиях киберпространства	Флуктуационность смысла
2.	Разомкнутость бытия в киберпространстве	Открытость смысла
3.	Сеть как структурное определение киберпространства	Равноудаленность, доступность, атемпоральность смысла
4.	Широкое использование «обратной связи»	Диалогичность смысла
5.	Лавинообразность цифровой информации, Интернет как пространство «шума»	***e***-смысл, вероятность «размывания», обесценивания (потери) смысла в условиях лавинообразности информации
6.	Репрезентативность цифровой информации (95% неструктурированной информации)	Неустойчивость, нестабильность смысла
7.	Высокая степень доверия «френдовой» информации; временно́е превосходство пребывания в социальных сетях по сравнению с профессиональными, достигающее 7 раз	«Платон мне друг, но истина дороже» не «работает»: авторитетность ценится выше стремления к истинности, реляционность смысла
8.	Преобладание «текстовости» в сетевой коммуникации	Герменевтичность смысла
9.	Неравенство развития коммуникационного континуума при сосредоточении в «центрах гравитации»	Неравномерность распределения смысла
10.	Отсутствие равенства в сетевом континууме, отсутствие «смысловой общности» между нетократами и консьюмтариатом	«Гносеологические барьеры», препятствия на пути понимания смысла и, как следствие, возможность несоответствия смысла его первоначалу, являющаяся условием трансформации

(в силу воздействия внешних коммуникационных факторов). Следовательно, и усмотрение в нем «трансформированности» допустимо исключительно относительно смысла, бытийствующего в реальности. Применительно же к киберпространству понятие трансформированного смысла едва ли уместно, поскольку это предполагается самой идеей воображаемой реальности a priori, более того, его сущность только и будет проявляться в постоянной трансформации.

Сетевой смысл отличает нелинейность – это не прямая однородная линия, а всего лишь событийный, совместный пунктир с множественностью возможностей для модификации, разрушаемый и способный к возобновлению в условиях десубъектоцентрированности. Нет оснований сомневаться в том, что Интернет обеспечивает смыслу открытость, расширяя возможности коммуникации. Однако обратной стороной открытости смысла предстает его уязвимость (незащищенность) и, как следствие, его трансформация.

В условиях изменения коммуникационного континуума при «ускорении» времени и «размывании» пространства изменяются и требования к образованию. Его главной задачей становится научить распознавать (понимать, улавливать, расшифровывать, извлекать) смысл – истинное значение содержания передаваемой в коммуникации информации, задействовать инструментализм образования. Мысль об инструментальности образования высказывал еще Д. Дьюи, ее актуализация в условиях постиндустриализма («Третьей волны») представлена Э. Тоффлером.

Э. Тоффлер неоднократно говорит об отражающей сущности образования по отношению к существующему обществу. Так, с точки зрения подчинения нуждам массового промышленного производства, настра-

ивавшего на выполнение механической работы, оправданной оказывается массовость образования и обучения в период «Второй волны». В свете развития технических приспособлений и средств коммуникации, интерактивность которых подводит к осознанию того, что каждый пользователь может создавать, отправлять и получать образы (смыслы), необходим пересмотр представлений об образовании во время «Третьей волны». Образование постиндустриализма также отражает потребности общества, выступая «эффективным инструментом адаптации к месту и времени». Ориентация образования на будущее позволит человеку обеспечить в новой реальности «мягкую посадку» за счет повышения способности индивида адаптироваться к меняющимся условиям, преодолевая реверсионизм и предотвращая, таким образом, «шок будущего». «Ответ на шок будущего не в неизменности, а в изменениях нового вида» [6, с. 437].

В качестве такого методологического ориентира целесообразна выработка альтернативных представлений о будущем, учитывающих прогнозные потребности (рассчитанные на 20–50-летний период) социальной реальности (с позиции профессиональной ориентации, человеческих взаимоотношений, морально-этических проблем и проблем технического прогресса). Актуализируется и вопрос о пересмотре форм и способов образования. Возрастает необходимость индивидуализации образования, одним из вариантов которого может стать диалектический возврат к домашнему обучению (свойственному «Первой волне»), когда в роли педагога по изучению курсов или модулей (на договорной основе) могут выступать некоторые родители, являющиеся специалистами в определенных областях. Отличие же индивидуализации образовании в период «Третьей волны» – в неизбежном использовании ИКТ-технологий, развитии сети дистанционного образования, возможности предусмотреть непрерывность образования в течение жизни в контексте мобильно изменяющейся реальности, следуя принципу «подключения – отключения». Частью реальности уже стали т.н. «электронные университеты» – высшие учебные заведения в русле «Третьей волны», как размещающие в сети on-line табло для абитуриентов, предоставляющие учебно-методические и библиотечные материалы, так и организующие видео-интернет-конференции, использующие ресурсы социальных сетей в образовательном процессе и т.д. В индивидуализации образования реализуется демассификация как признак «Третьей волны».

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС), в определенной степени, настраивают на реализацию указанной инструментальности образования. В результате изучения дисциплин обучающийся должен владеть «знанием как» набором компетенций, необходимых в профессиональной деятельности. Иначе говоря, просматривается утилитарность знания. Вопрос практического применения знания предполагает, в первую очередь, адекватное понимание его смысла. Установка, являющаяся, скорее, очевидной, усиливается еще и тем, что новые ФГОС реализуют дестандартизацию как признак «Третьей волны» посредством отсутствия дидактических единиц как содержательного ориентира (хотя и используемых «по умолчанию»). Поскольку одни и те же компетенции могут быть сформированы в рамках различных дисциплин (различного знаниевого массива и методологического поля), есть вероятность релятивизации смысла, в связи с чем актуализируется вопрос трансляции «трансформируемого смысла» с учетом онтологических особенностей сетевого коммуникационного континуума.

1. Гриняев, С.Н. Поле битвы – киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны [Текст] / С.Н. Гриняев. Мн.: Харвест, 2004. 448 с.

2. Журавлева, Е.Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях [Текст] / Е.Ю. Журавлева // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113–123.

3. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Текст] / Г.М. Маклюэн. М., Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

4. Мишра, С. Сохранение цифровой информации [Текст] / С. Мишра // Сохранение электронной информации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции (Москва, 3–5 октября 2011 г.) / Сост. Кузьмин Е.И., Мурована Т.А. М.: МЦБС, 2012. С. 21–27.

5. Назарчук, А.В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества [Текст] / А.В. Назарчук. // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5 т. М.: Современные тетради, 2005. Т. 3. С.100–101.

6. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

7. Digital Universe [Электронный ресурс]. URL: http://www.emc.com/leadership/programs/digital-universe.htm (дата обращения: 10.09.2012).

8. Qualman E. Socialnomics: How social media transforms the way we live and do business. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, 2009. 288 p.